

Л.А. Капитанова

## «Жизнь забыли» («Человек в футляре»)

Углубленное и одухотворенное восприятие жизни нашло художественное отражение в его «футлярной трилогии» Чехова. Но для воплощения авторской позиции писатель пошел от противного. Перефразируя слова старого Фирса из «Вишневого сада», сказанные под занавес («Человека забыли»), отметим, что Чехов рассказал в своем футлярном цикле о том, как *«Жизнь забыли»*.

Подтверждением основной мысли чеховской трилогии является образ «человека в футляре», который звучит как тихий сигнал о бедствии, почти как «человек за бортом».

Вынесенный в название рассказа, открывающего цикл, он заключал в себе парадоксальное сведение двух взаимоисключающих начал — живого существа и вещи, в которой хранятся неодушевленные предметы, вроде очков, ювелирных изделий, инструментов и др. Получалось, что если человек оказывается в футляре, это уже не человек, а труп.

Мотив «футлярной жизни» становится сквозным в чеховской трилогии; в каждом из рассказов представлена вполне определенная модификация жизни в футляре. Но сначала перед нами выступает сам «футлярный человек» и его футлярная философия.

Чеховский Беликов вырастает из гипертрофированного страха перед «действительной жизнью» и обусловленного им «постоянного и непреодолимого стремления *окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний*». На внешнее обустройство защитного футляра ему потребовалось не так уж много: темные очки, фуфайка, поднятый верх у извозчика, ватой заткнутые уши. На случай же защиты от вероломных погодных условий он «всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате».

Защитный рефлекс от «действительной жизни» приобретает в жизни учителя греческого языка городской гимназии всепроникающий характер. «И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике». Во избежание соприкосновений с окружающим миром чеховский герой и лицо свое «все время прятал... в поднятый воротник» — как в чехол.

«Постоянная тревога», раздражение, испуг, в которых неизменно держит Беликова жизнь, подталкивают его к выработке устойчивого типа поведения в окружающей действительности. «Футлярный человек» предпочитает жить по принципу «как бы чего не вышло». Отсюда в «разрешениях» и «позволениях» «скрывался для него всегда элемент сомнительный», а «всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние». Точка зрения на жизнь сделала и мысль Беликова, «также предусмотрительно спрятанную в футляр», на редкость избирательной — «для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь».

Однако уникальность чеховского героя состояла не только в его собственной зафутлярности от «действительной жизни», но в способности активно излучать свою «футлярность» на все окружающее.

Беликов боится сам и устрашает других. В гимназии, и больше, — в городе бояться «человечка, ходившего всегда в калошах и с зонтиком». И этот страх длится «целых пятнадцать лет»! Под влиянием таких людей, как Беликов, в городе стали бояться всего.

В этой связи знаменательна сцена похорон Беликова. Он лежал в гробу с «кротким, приятным, даже веселым» выражением на лице, «точно... был рад, что наконец его

положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет». А вокруг гроба стояли беликовы «в калошах и с зонтами».

Происходящее на кладбище в «пасмурную, дождливую погоду» приобретает у Чехова очертания чего-то нереального. Смерти как будто не было, а сам Беликов как бы растворился в толпе, сделав ее по своему образу и подобию футлярной, обнаружив тем самым свою долгожизненность. А потому возникает вполне закономерный вопрос — так ли уникальна фигура Беликова — «футлярного человека». И не является ли он «крайним, гротескно заостренным выражением футлярной жизни, разлитой вокруг»? Ответ содержится в чеховской повести. Прошло не больше недели со дня похорон, «и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!».

Неутешительный вывод из истории Беликова, рассказанной учителем гимназии Буркиным, полностью разделяет слушавший его Иван Иванович, ветеринарный врач. Беликовский футляр представляется ему не иначе, как знак окружающей жизни: «То-то вот оно и есть... А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт — разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор — разве это не футляр?» «Футляр» вытесняет из жизни человека саму жизнь, оставляя в качестве ее заменителя мысли о «куске хлеба», о «теплом угле», о «чинишке», о «кусте крыжовника»... и в результате делает человека своим рабом.